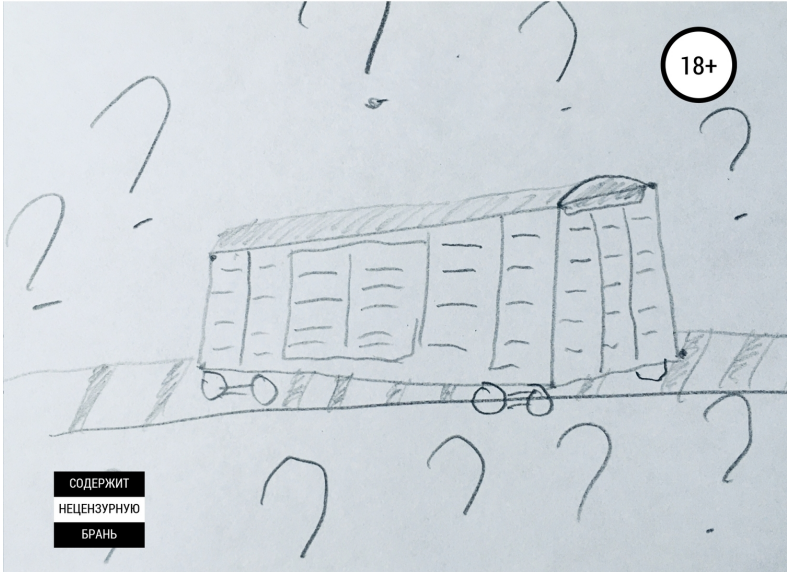

Файнберг Исаак

Мама, тут проходит товарняк?

Рассказ

Файнберг Исаак

Мама, тут проходит товарняк?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837030

SelfPub; 2020

Аннотация

Все размышления прервал сосед, который был забит от головы до ног наколками с «севера», так сказать «Siberia from love», только из любви у него была всего лишь одна наколка над причинным местом с очень оригинальной надписью «love». Содержит нецензурную брань.

1. Парфюмер

В палате сквозь пластиковое окно пробивался луч солнца. Было раннее утро, но какого месяца, Олег даже и не помнил. В больнице он лежал уже почти две недели, причиной тому были сломанные ребра и многочисленные ушибы.

Как именно получил эти травмы, Олег помнил смутно и неясно, все ведь случилось внезапно. А как тогда хорошо начинался этот день... Но открылась дверь, и вошла Анфиса, прервав все размышления Олега.

С Анфисой они познакомились восемь лет назад в августе, конечно же, он не помнил, да и зачем.

– Ну и как дела? – спросила она, Олег промолчал и молча смотрел, как она выкладывала его вещи. Как дела? Просто отлично, думал про себя.

В тот день они с Эдиком с Шанхая обмыли удачно совершенную сделку с металлом, с цветным металлом, если быть точнее! Хозяин цветного металла, конечно, об этой сделке и не подозревал, ведь замок на его гараже уже год как висел, не подавая виду, что уже неделя как он был выбит топорищем Эдуарда.

Анфиса немного посидела и сказала, что пошла домой, мол, есть дела и прочие заботы. Дела, как же, подумал Олег, опять будет пить с Владом из тридцатой комнаты, которая пропитана такими ароматами, что даже не разберётся сам «Парфюмер» из одноименного фильма. Что у них было общего с этим персонажем? Да в принципе почти все: Олег так

же был сиротой, хотя, конечно, он родился не под прилавком у рыбного ряда, но нашли его недалеко от местного рынка после месяца скитаний по улицам, подъездам, чердакам. Нет, его не бросила мать, он просто сам сбежал из дома, потому что пьяный отец вечно гонял их, и приходилось прятаться в высокой крапиве рядом с домом либо в заброшенной бане. Да, тогда мать чуть не лишили родительских прав, но, славу богу, все обошлось: все же лучше так, чем в детском доме.

– Нет, – вдруг вслух сказал Олег, – я не сирота, я рос с родителями!

Сосед на соседней койке посмотрел на Олега, но промолчал. Но случай, когда он опасной бритвой подправил прическу Любе, был чем-то схож. Люба была бывшей сожительницей до Наташки, а после нее появилась Анфиса.

– Анфиса, – прошептал Олег, – тоже мне имя, вот Анфиса Чехова – это вот Анфиса, а это какая-то пародия на женщину, и за что мне такие только женщины попадаются?

2. Кровь выпили менты

Все размышления прервал сосед, который был забит от головы до ног наколками с «севера», так сказать «Siberia from love», только из любви у него была всего лишь одна наколка над причинным местом с очень оригинальной надписью «love». Олег уже успел рассмотреть почти все его художества: на веках выбито «не сплю», на плечах – погоны или эполеты, прям полковник или генерал. На спине красовал-

ся апокалипсис, на животе – церковь с куполами, сколько их всего, он не успел сосчитать, но их было достаточно! Даже если считать не по ходкам, а по отсиженным годам. На сгибе рук, около излюбленного места наркоманов и врачей, красовалась надпись «крови нет», другую украшала надпись «выпили менты»...

– Братиш, есть сигарета? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил Олег в ответ. Больше продолжать разговор не было смысла, да и неинтересно: выведав про всю его жизнь – двадцать лет отсидок за грабеж, кражи, притом что это не считая малолетки. Как объяснял сосед, сроки были большие потому, что он проходил по нескольким статьям, и выходило в итоге по пять лет, четыре, а то и все шесть. Так все-таки это были ходки, куполов было либо пять, либо шесть, никак не вспомнить, не мог же Олег расстегнуть его больничную пижаму, не поймёт, так сказать.

Родился он в деревне, потом после последней отсидки купил комнату в местном общежитии, а слёг сюда со сломанной ногой. На днях должны уже были сделать операцию, а пока он висел на растяжке.

3. Панк

Обмывали с Эдиком они почти до вечера, их нескончаемые разговоры подпитывались топливом от Андрея, местного барыги самогоном. Олегу даже не нужно было куда-то и идти за самогоном, всего лишь через две двери. Но в этот раз они отмечали сделку на природе, недалеко от железнодоро-

рожной платформы, кругом была тишина, лишь раз в 15-20 минут ее нарушала железная дорога, точнее тепловозы с вагонами, пассажирские поезда, электрички, ремонтники, которые переговаривались между собой по громкой связи, в общем, жизнь кипела. Они с Эдиком забурились на заброшенную сгоревшую дачу, коих тут было с десятков, благо, беседка во дворе уцелела, и можно было спокойно созерцать синее небо, клены и слушать звуки поездов. Мимо вот промчалась электричка, на которой он часто раньше ездил к деду в деревню, также ему вспоминались разные люди, с которыми он там знакомился, был панк из Питера. Он не любил людей и не хотел дальше жить, но любил летнее солнце. Они почти все два часа простояли в тамбуре, беседуя обо всем понемногу. Проезжая мимо переезда, Эмиль, так звали его, произнёс такую пафосную мысль:

– Видишь все эти машины?

Олег кивнул головой.

– Так вот, все они никчёмны, а ты крутой! Запомни это, – сказал он, и в конце, когда они прощались, панк ему хотел отдать пачку сигарет: их было у него две – одна подороже, а другая дешевле. Он хотел отдать ту, которая дороже, Олег вежливо отказался и, чтобы не огорчать своего собеседника, взял одну сигарету и вышел на своей станции с разными мыслями. Или же вот, спустя год, почти всю дорогу толстый паренёк лет пятнадцати спрашивал одну фразу у своей матери: «Товарняк здесь проходит?», и мать с десятков раз

подтвердила, и только в самом конце пути он наконец ответил сам себе: «Да, товарняк вроде здесь проходит». Был ли в этом какой-то скрытый смысл? Не знаю, но Эдуард подлил ещё граммов пятьдесят самогона, и Олег, ахнув его, забыл, о чем и думал.

4. Фонтан

В палате становилось жарче, медсестра сказала, что сегодня уже на выписку, вроде бы и радостная весть, но тут кормили, и было лучше, чем в его доме, который был построен из шлака в прямом смысле этих слов. В доме с трудом можно было повесить настенный шкаф либо даже просто небольшую картину, так как из стены все сыпалось, даже если вкрутить шуруп на миллиметр. Построил его в своё время его дед со стороны отца, переехавший на пенсию в этот городок. Новоселье он праздновал не долго, умер от рака лёгких, дала о себе знать шахта, на которой он проработал более двадцати лет. Отец же работал на местном заводе слесарем, потом постепенно начал спиваться и поколачивать мать, работавшую там же поваром в заводской столовой. Не сказать, что они жили плохо, как все тогда в то время. Мать приносила с завода продукты и еду, у отца были шабашки. Однако через лет пять все пошло наперекосяк. Отец стал больше и больше прикладываться к рюмке, доставалось и матери, и Олегу. Вскоре после очередной его пьянки его нашли на остановке с его закадычным другом мертвыми, оба замёрзли, странно, что никто не помог и не нашли милиционеры, ведь место бы-

ло оживлённое и людное. Очень странная история, однако. Мать после его гибели стала сдавать и тоже стала выпивать. Он помнил такой момент, ему было тогда лет двенадцать, как она, посмотрев на себя в зеркало, разбила его вдребезги, из руки хлестала кровь, много крови. Столько много он видел только, когда учился в профессиональном училище. Старшекурсники тогда в общежитии заставляли разбирать и собирать тумбочки, эта забава передавалась из года в год. Сценарий всегда был один и тот же: в комнату врывается пара человек, они ломали тумбочку и, если не соберёшь, пробивали фанеру. Олег не стал долго терпеть и пробил банковской голову старшекурснику. Море крови из руки Олега и головы обидчика... Интересно, как теперь у него дела с головой? А то как-то он встречал мужичка в электричке, тот назвался автором песен, мол, поэт, знает многих известных певцов местного пошиба, берет у них заказы. А что в итоге? Да оказалось, никакой он и не писатель, а просто сказочник, который, скачав в интернете стишки и их распечатав, добавил свою электронную почту и свой, так сказать, псевдоним. Псевдоним был почти как его настоящее имя, только сократил на четыре буквы фамилию. Всю правду он выяснил позже, мужичок-писатель был из соседей деревни и, как рассказывал учитель местной их школы, лет восемь назад в городе его избili неизвестные, да так сильно, что он почти три месяца лежал в больнице и сейчас жил только на таблетках. Да и с памятью пошли изменения, стал мнить себя поэтом,

известным автором, композитором, в общем, великим творцом.

5. 50 рублей

Он шёл по коридору больницы, в руках был пакет с вещами, дойдя до выхода, он понял, как все же летом хорошо на улице, прям как в тот день. После того как попрощался с Эдуардом, он, держа в руках чекушку недопитого самогона и половину чесночной колбасы, отправился через железнодорожные пути к Анфисе. В то время мимо проезжал товарный поезд, он считал вагоны и цистерны с нефтью, досчитав до шести или семи, он почувствовал только холод и ничего больше.

Нашли его железнодорожники утром и, положив в наподобие дрезины, выложили его тело на платформе ближайшей станции, благо, она была в километре от места происшествия, а может, она стала ближе, когда его тащил товарняк, Олег наверняка не знал. Но знал он одно, те пятьдесят рублей, которые были в верхнем левом кармане, исчезли, как и чекушка, и чесночная колбаса. Возможно, работники железнодорожной станции взяли это как вознаграждение за его спасение. Одно Олег знал: чесночной колбасы и чекушки не было ни под насыпью, ни на железнодорожных путях.

Сволочи они, просто сволочи...

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.